

ЧАС РЫВКА...

ГРИМАСЫ БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ

Злеонора Тихоновна БОНДАРЕВА,
журналистка

Нынче белые в нашем восприятии, похоже, поменялись с красными. С одной стороны, добродетели большевиков, истертые блоками стандартных похвал, в ходе настырного копания в великих житиях сделались сомнительными. С другой — Белое движение до сих пор сплошь состоит из «белых пятен», исследование которых притягивает и историков, и неисториков.

С учетом особенностей Белого движения на Дальнем Востоке (многие из «недобитых» и «недорезанных» оказались в гости к нам уже с сумрачным для них опытом Гражданской войны в Центральной России) специалисты из Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН задаются вопросом, неизбежна ли была в Отечестве гражданская война, и доказывают энным количеством пунктов, что ее можно было избежать. Но так ли? Кроме политических причин, породивших вооруженное противостояние красных и белых, в двадцатые годы действовал биологический фактор в силу спровоцированного временем как таковым накалом страстей сделавший войну обязательной.

Анатомировать загадочную для европейца душу россиян пытаются авторы книги с выразительным названием «Россия, которой не было» Александр Бушков и Андрей Буровский. Русский, пишет беллетрист, живет в авральном режиме, обусловленном географическими причинами: страна располагается в зоне нервного климата, сезон посевной, равно как и сезон уборочной, короток; чтобы успеть с урожаем, нужно трудиться на износ, не позволяя себе расслабляться. Ну, а зато уж зимой... Режим сельскохозяйственного года и впрямь заставляет нас, испокон крестьянскую страну, работать на рывок, но в связи с благоприобретенным психологическим ритмом мы действуем авральным образом и там, где это вовсе не обязательно. Израсходовав собранные в кулак силы, т.е. совершив если не ратный, то трудовой подвиг, российский удалец, предок и потомок крестьянина с медвежьим мироощущением спускает засученные рукава, впадает в вожделенное безделье и донельзя утомленный им погружается в депрессию. После выхода из стресса следует рывок, верхней точкой зачастую бывает взрыв, революция в том или ином качестве или война. А затем — повторение цикла.

Промежутки между судьбоносными рывками в биографии России вполне укладываются в среднестатистический возраст одного поколения: лет 60—70—80. Для наглядной иллюстрации положения спустимся по ступенькам, к истокам фиксированной истории, приняв за точку отсчета сегодняшний день. Большевики продержались у кормила 70 с лишним лет. Между 1917-м и 1861-м (отмена крепостного права, которая ударила «одним концом по барину, другим — по мужику») около 60-ти. Близко во вре-

мени располагается восстание декабристов («разбудили Герцена»). На очередной ступеньке вниз — сонм екатерининских самозванцев, связанных напрямую с царевубийством. Отминусуем 70—80—90 и попадем в эпоху Петра Первого, взрывная мощь которой сродни современному атомному арсеналу. От Петра — в Смутное время и так далее в глубину веков, исследованных в меньшей степени, но добросовестно подтверждающих правило (все эти на подходе к Ивану Грозному Ярославы и Ярополки, периодически избивавшие друг друга за право владения тем или иным дремучим углом). В конце жизни каждого поколения, начало которого отмечено памятной исторической вехой, непременно гремел взрыв. Вовсе не обязательно полагалось победить большевикам, но революция 1917-го и без затора притертая к ней Гражданская война в России просто не могли не случиться.

Точка отсчета между рывками в начале — конце Гражданской войны возникла не только для большевиков, но и для белых идеологов. В журнале «Наука и жизнь» 2005, № 4 опубликована статья доктора исторических наук Г. Иоффе «Белое дело и его эпилог» — труд о политической жизни именитых российских эмигрантов. О России вне России. О суете вокруг призрачного царского трона. Слова «трагикомической», которое так и клеится к «суете», мы будем избегать: речь идет о людях выдающегося интеллекта и высоких чувств и помыслов, здесь уместнее говорить скорей о трагедии.

В «бега» ушли более двух миллионов россиян. Три самых массовых первоначальных пункта для диаспоры: Турция, Сербия, Болгария; затем — Прибалтика, Китай (Маньчжурия). Оттуда наши земляки рассредоточились по всему миру с преобладанием в Европе. Арсений Несмелов, поэт-белогвардеец, где-то в 30-е годы пишет одному из своих пражских издателей: не переехать ли мне в поисках духовного уюта из опостылевшей Азии в Европу? Адресат не советует: куда, мол, ни кинь, всюду клин.

КЛИН. ТУПИК. ЧУЖБИНА

Но поначалу они, разумеется, надеялись на скорое возвращение домой — полные сил, еще не старые люди, искренне любящие Отечество. Разговор у нас, естественно, не о тех, кто без особых претензий прижился за границей, но об идеологах, командирах, вождях, неприжившихся.

Расклад ко времени завершения развития Белого движения в России: кроме генералов без армий уцелел Врангель, генерал с солидной армией. По соглашению с турецкими и антантовскими властями корпус врангелевского генерала А. Кутепова (25 тыс. чел.) перебрался на остров Галлиполи, Донской корпус генерала В. Абрамова (20 тыс. чел.) разместился на острове Чалтадже (недалеко от Константинополя), 15 тыс. кубанцев устроились на острове Лемнос. Русские военные суда отошли в порт Бизерта.

Союзники, понимая, что белое дело проиграно, предложили генералитету расформировать русское воинство. Однако

Командир гвардии Преображенского полка генерал Александр Павлович Кутев.

у беглецов во главе с Врангелем иные планы: они хотят сохранить ряды и угрожают «силой пройти на север, в славянские страны» на предмет долгосрочного прикола, взяв в случае несогласия турок с этим намерением Константинополь. Врангель создает Русский совет, трепетно ждущий вот-вот предстоящего падения большевиков под напором якобы созревших в России контрреволюционных сил. При этом Врангель и Русский совет заявляют, что белая армия была, есть и будет вне политики. Однако она, в том числе и ее командование, в расколе: одни — за монархию, другие — за республику, третьи лихорадочно ищут и не находят золотой середины между самодержавием и демократией.

Зимой 1921 г. в Берлине формируется временный русский монархический союз во главе с крайне правым депутатом 4-й Госдумы Н. Марковым. В конце этого года в баварском курортном городке Рейхенгаль открывается «общероссийский» монархический съезд, где присутствуют 120 делегатов от эмигрантов-монархистов из разных стран. Один из вождей Союза А. Масленников выступает с докладом «Об идеологии российской императорской власти». Этот интересный доклад в пору проштудировать и сегодня тем, кто с недоумением пожимает плечами, слыша о зарегистрированной в нынешней России партии монархистов. Действительно: в-третьем тысячелетии-то? Однако в определении основной черты русского народа Масленников вплотную сомкнулся с философами нашего поколения: россиянам, отмечает он, присуща «стихийная смена рабской подчиненности бунтарским анархизмом», совладать с такой нацией не способны ни болтливые демократы, ни битые генералы, порядок наведет лишь рука помазанника. «Сугубо прав был Ульянов-Ленин, — восклицает Масленников, — что в России может быть только власть монарха или большевиков!» — и, не приемля программы Ульянова-Ленина, призывает поставить во главе страны «законного царя из дома Романовых на основании закона о престолонаследии». Участники мероприятия не против. «Съезд признает, что единственный путь к возрождению великой, сильной и свободной России есть восстановление в ней монархии». Дело за малым — отнять Россию у красных, которые учредили диктатуру пролетариата (читай самодержавие снизу).

В расстрел семьи Николая II верили далеко не все, самозванную царевну Анастасию так и похоронили в Германии с надписью на мемориальной доске: «Имя ее знает только Бог». Вдруг последний русский император однажды объявится? Значит, на престол пока что следует посадить заместителя. Принимаются в конечном счете два претендента: двоюродный брат императора Николая II, великий князь Кирилл Владимирович, и дядя его Николай Николаевич, тоже великий князь.

Эмигрантские вожди разбиваются на две партии: «кирилловцы» и «николаевцы». Кирилл Владимирович помоложе, но с подмоченной репутацией: во-первых, ходил в 1917-м с красным бантом и выражал готовность сотрудничать с новой властью; во-вторых, женат на лютеранке. В августе 1922 г. он издает манифест, в котором провозглашает себя «блюстителем русского престола вплоть до выяснения судьбы Николая II». Однако Врангель требует кандидата, стоящего вне политики. После продолжительных размышлений он сообщает, что «счастлив повести армию за Николаем Николаевичем». В мае 1923 г. очередной съезд монархистов

соглашается с Врангелем: «национальное движение» должен возглавить Николай Николаевич.

Кирилл Владимирович в августе 1924-го объявляет себя «императором всероссийским», а своего сына Владимира — наследником престола. Самодержец Кирилл Первый выражает желание при условии восстановления монархии сохранить Советы. Это благое намерение зачтется его потомкам: когда в начале 90-х падет советская власть, семейство несостоявшегося царя-экспериментатора пригласят в Россию, где на внука его Георгия будут поглядывать как на возможного в перспективе государя.

Николай Николаевич, признанный эмигрантским большинством, в ноябре 1924 г. официально возлагает на себя руководство всеми формированиями и организациями монархистов, объединенных Российским общевоинским союзом (РОВС).

Несколько слов о Николае Николаевиче: если верить сведениям столетней давности, этот значительный в свое время персонаж организовал покушение на «оболтуса» (см. мнение Александра III о наследнике престола) Ники в ходе крещенского похода 6 января 1905 г., надеясь сесть вместо племянника на русский трон. Железная воля и популярность в военных кругах делали его по части престолонаследия перспективнее простака Ники. С 1895 г. Николай Николаевич — председатель Совета государственной обороны, в первую мировую главнокомандующий на австро-германском фронте, затем главнокомандующий на кавказском театре военных действий, к тому же кумир столичной буржуазии. Чем не государь? А тут на трон усаживается бесцветный Ники да еще и обзаводится наследником...

Обстрел Николая II со свитой на Дворцовой площади по воле снисходительного монарха был объявлен «простой случайностью», связанной с небрежным обращением с салютовавшим оружием. Пули врезались в стены Зимнего дворца и никого не задели, царская семья и лица, ответственные за фейерверк, отделались легким испугом.

Но не слишком ли хорошо «виноватое оружие» было подготовлено к «ошибке»? Большевики считали, что устранение царя не решило бы социальных проблем страны; анархисты и эсеры творили теракты в открытую, стремясь к огласке. Маньяков-одиночек в правительственной артиллерии не наблюдалось. Мотив для ликвидации Николая II был лишь у претендентов на его августейшее место. Если учесть, что великого князя Михаила в то время больше занимали операции на личном фронте, чем на политическом, заговорщиком номер один остается Николай Николаевич.

На фото 1935 г. великий князь Николай Николаевич еще брав и строен, весь из себя предназначенный повелевать. Таким он покинет этот мир через четыре года, пережив венценосного

Великий князь Николай Николаевич.

родственника на десяток лет. Кстати, о Николае II. В книге «Царизм накануне свержения» (1989) А.Я. Аврех старается быть объективным: «Симпатичный, простодушный и приятный в обращении человек, Николай Александрович был именно таким, каким должен быть император в империи периода упадка: его достоинства представляются достоинствами частного лица, которые применительно к управлению огромной державой оборачиваются зачастую едва ли не пороками, а в отрицательных качествах его личности отразились пороки самой державы». Оценка историка А.Я. Авреха в общих чертах совпадает с мнением белой эмиграции.

Советская госбезопасность, хорошо осведомленная о происках беглых внутренних врагов, принимает меры, в частности, внедряет в ряды эмигрантов чекистов и проталкивает в РОВС деятелей из якобы антибольшевистской организации «Трест», будто бы активно подготавливавшей в Москве свержение советской власти. Одни белые, истомленные ностальгией, верят агентам ГПУ, другие, в том числе и Врангель, подозревают в «Тресте» ловушку. В апреле 1926 г. в Париже происходит Зарубежный съезд (500 делегатов из 24 стран) — сторонников Николая Николаевича. Однако при попытке создать Российский зарубежный комитет вырисовывается раскол между самодержавниками и конституционалистами, поднимают голову игнорирующие решения съезда либералы. Появляются и приверженцы набирающего в Европе обороты фашизма, способного, по мнению некоторых, с корнем вырвать большевизм. Идеолог В. Шульгин предлагает лозунг: «Фашисты всех стран, соединяйтесь! «Фашизм как политическое течение — это открыто террористическая правая диктатура; столкнем же лбами правую диктатуру с левой и пожнем плоды!

ОНИ ВСЕ ЕЩЕ НАДЕЮТСЯ

Буржуазные государства большей частью признают Советы, особенно в связи с нэпом, признаком поворота Кремля вправо. Бывший руководитель пропаганды у Колчака профессор Н. Устрялов крамольно утверждает: «И под красными звездами Кремль остается символом исторической государственности России, национальные традиции преодолеют «революционный разрыв». В 1935 г. он вернется из Харбина в Россию, где через два года его расстреляют за контрреволюционную деятельность, но это не помешает единомышленникам профессора списывать расправы с эмигрантами на досадную жесткость времени.

Борьба «кирилловцев» и «николаевцев» вызывает горечь Врангеля, он пишет Шульгину: «Боюсь, что кроме мелких дряг, в зарубежной русской жизни ничего нет». В 1928 г. Врангель умирает: отравили агенты ГПУ? Возможно. Через пару лет похищают и скорее всего приканчивают главу РОВСа генерала А. Кутепова. Затем доставляют в тюрьму на Лубянке генерала А. Миллера, очередного шефа РОВСа: будучи замеченным в контактах с фашистскими спецслужбами, он начал мешать советским спецслужбам.

Вторая мировая война развернула остатки эмиграции в сторону социалистической «единой и неделимой»: россияне без России сражались за СССР. За рубежом возникло понятие «совпатриот». Кое-кто, правда, заигрывал с Гитлером, но всего лишь «кое-кто».

Потенциальные императоры всея Руси почтили в бозе, не дождавшись своего звездного часа, руководители «вех» и «линий» с божьей помощью были ликвидированы чекистами вместе с Белым движением к концу 1950-х.

Блестяще образованные, с высоким умственным потенциалом, они, конечно, не только мечтали о рванше, но и анализировали причины своего поражения в России уже в самом начале чужбинной эпопеи.

П. Врангель: наш разгром вызван свойствами чисто военного характера, мы были численно и технически слабы.

В. Шульгин: контрреволюция не выдвинула ни одного громкого лидера.

Н. Чайковский: мы опирались на силу оружия, а не на сочувствие народных масс.

А. Деникин: мы исказили белую идею и запятнали свое знамя неблагоприятными поступками.

П. Миллюков: к поражению привели недостаточная помощь союзников и постепенное усиление реакционных элементов в составе движения.

Н. Астров: трагедия белой борьбы была в том, что она не могла не быть, и в то же время она была обречена.

Да. Не могла не быть, поскольку грянул час рывка. Потомки вымирающего поколения освобожденных крепостных рвались к власти, уходящий в небытие класс крепостников тшил ее сохранить за собой.

Будь победа за ним — как бы обернулась наша сегодняшняя жизнь, в какую политическую сторону мы бы разразились сокрушительным русским рывком нынче?

Василий Витальевич Шульгин, один из лидеров правого крыла трех дореволюционных Госдум.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мухачев Б.И. История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 1. Дальний Восток России в период революции 1917 года и Гражданской войны. Владивосток: Дальнаука, 2003.
2. Мухачев Б.И. Возвращение белого знамени // Дальневост. ученый. Владивосток, 1998. № 24. С. 9.
3. Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм. М.: Изд-во полит. лит., 1989.
4. Иоффе Г. Белое дело и его эпилог // Наука и жизнь. 2005. № 4.
5. Бушков Александр, Буровский Андрей. Россия, которой не было. Русская Атлантида. 2. Красноярск: «Бонус»; Москва, «Олма-Пресс», 2002.
6. Простой промах, простая случайность? // Техника молодежи. 2005. № 5.
7. Несмелов Арсений. Из переписки с редактором сборника «Вольная Сибирь» И.А. Якушевым, 1930. № 2.
8. Аврех А.Я. Царизм накануне свержения. М.: Наука, 1989.

SUMMARY: “An Hour of Spurt... Grimaces of the White Movement” — so the author of the article, journalist Eleonora Bondareva called it. The most part of the article the author devoted to the White movement in the Far East. E. Bondareva relates to the well-known authors who studied this theme for many years — B.I. Mukhachov, A. Bushkov, A. Burovsky, G. Ioffe, A. Avrekh, including emigrants too, for example, poet Arseny Nesmelov.